

¹² И.В. Киреевский. Критика и эстетика, с. 85–86. Мюллер отметил, что Киреевский критикует Фихте в шелленгианских категориях (E. Müller. Op. cit., s. 178).

¹³ И.В. Киреевский. Критика и эстетика, с. 271.

¹⁴ Там же, с. 119.

¹⁵ E. Müller. Op. cit., s. 26.

¹⁶ И.В. Киреевский. Критика и эстетика, с. 173.

¹⁷ ОЗ, 1845, № 3.

¹⁸ И.В. Киреевский. Полн. собр. соч., т. II. М., 1911, с. 233.

¹⁹ “Т.Н. Грановский и его переписка”, т. II. М., 1897, с. 259.

²⁰ Письмо Киреевского к Т.Н. Грановскому от февраля (?) 1844 г. (И.В. Киреевский. Избранные статьи. М., 1984, с. 314–315); впервые опубликовано В. Сахаровым в “Вопросах литературы” – 1979, № 11, с. 252–255).

(Москва. 1843 – первая половина 1844 г.)¹

Примите усерднейшую мою благодарность vom Herzen zu Herzen², и за статью³, и за нянюшек. За первую вам будет обязано потомство вообще, а за вторых мое в особенности⁴.

Надеюсь видеться с всеми завтра у матушки⁵ и прошу позволения до тех пор подержать Fichte⁶ и пр.

Душевно вам преданный И. Киреевский

¹ В ЛЖГ 1, 281 настоящая записка Киреевского предположительно датируется январем–маем 1843 г., временем наиболее частых встреч Герцена с И.В. Киреевским. Не исключено, однако, что она была написана осенью 1843 г. или в первой половине следующего года, когда Герцен продолжал бывать в доме Елагиной (летом Киреевский обычно уезжал из Москвы в Долбино, а ко второй половине 1844 г. посещения Герценом салона Елагиной стали, действительно, редкими).

² См. ЛЖГ 1, 264. Vom Herzen zu Herzen (от сердца к сердцу. – нем.) Киреевский обыгрывает буквальное значение фамилии Герцена – Herzen.

³ Речь идет о статье из цикла “Дилетантизм и наука” (ОЗ, 1843, № 1, 3, 5, 12). Оттиски этих статей Герцен дарил своим знакомым. Возможно, что здесь подразумевается последняя, четвертая статья цикла, столь понравившаяся Киреевскому (см. выше).

⁴ Малолетние дети Киреевского – Катя, Маша и Вася.

⁵ То есть в салоне Елагиной.

⁶ Какое именно произведение Фихте имеется здесь в виду – неизвестно. По всей вероятности, это упоминаемая выше Герценом брошюра “Назначение человека” (1-е изд.: “Die Bestimmung des Menschen”. Dargestellt von Johann Gottlieb Fichte. В., 1800. Совр. изд.: Лпз., 1976).

ТАТЬЯНА АЛЕКСЕЕВНА АСТРАКОВА

ФРАГМЕНТЫ ВОСПОМИНАНИЙ

Публикация И.М. Рудой

Мемуарные фрагменты друга семьи Герцена Т.А. Астраковой до настоящего времени известны были лишь частично по книге Т.П. Пассек “Из дальних лет”, куда введены были, возможно, в переработанном виде главы 30, 39 и 42, и по автографу Пушкинского дома, опубликованному А.Н. Дубовиковым в т. 63 “Литературного наследства”. Настоящая публикация дополняет эти источники материалами из личного архива Т.А. Астраковой, полученными сравнительно недавно Государственным литературным музеем.

Первый фрагмент в большей своей части посвящен жизни московского кружка Герцена 1840-х годов и имеет в рукописи заглавие “Воспоминания Т.А. Астраковой о Наталье Александровне Герцен”. Второй небольшой отрывок печатается под условным названием “Кунцево”: содержание его также относится к московскому периоду жизни Герцена. Последний фрагмент – автобиографическая заметка о рождении и детстве Т.А. Астраковой. Он условно озаглавлен “Мои детские годы”. Этот документ многое объясняет в мировосприятии человека, так близко стоявшего к скамье Герцена.

Фрагмент, открывающий публикацию представляет собой авторизованную копию, снятую с утраченного или еще не обнаруженного подлинника близким знакомым Астраковой – В.В. Антушевым, но приведенное выше заглавие вписано рукой самой Астраковой.

28 ноября 1887 г. Антушев писал Татьяне Алексеевне: «Прочел с большим интересом и удовольствием, хотя трудно разбирал карандаш на 1-м и 2-м листах (...) позавидовал легкости и правильности вашей речи (...) Желая посылить вам в механической части труда, я переписал остальное: посмотрите, так ли и годится ли. В таком роде готов служить и дальше.

Два пассажа я уже читал, если не ошибаюсь, в печати: 1-й, о посещении Герцена с гостями Иваном Алексеевичем и 2-й – о внимании из кармана лоскутков вместо платка... Что бы вам выпросить для просмотра другой экземпляра “Из дальних лет”?»¹

Воспоминания предназначались для третьего тома книги “Из дальних лет”. В архиве Астраковой сохранились письма к ней Пассек, в которых она побуждала Татьяну Алексеевну продолжить работу над воспоминаниями. Впервые Пассек писала ей об этом 2 июня 1885 г.: «Пишу помаленьку третью часть моих воспоминаний из “Дальних лет” (...) Если пожелаете, дорогая Татьяна Алексеевна, присоединить к моему изданию что-нибудь свое (...) я с удовольствием помещу»². Через месяц в письме от 9 июля Пассек снова просила Астракову писать воспоминания о Н.А. Герцене и добавляла: “А я их помещу среди своих, как *полученные от вас*, не изменяя, как собственные ваши, и вы, конечно, и верно, и честно, и с чувством вашей любви к памяти Наташи – напишите, это ей памятник нравственный будет воздан (...) Кто знает, кто скажет *интимное*, думаю, кроме вас, самое истинное Наташи, даже и ее муж не знал...” И далее о будущей книге: “Эта III часть пусть будет дань дружбе и прошедшему и дань истине”. 30 июля того же 1885 г. она спрашивала Астракову: “Не знаете ли вы что-нибудь из последних дней жизни Наташи, уже больной? Она к вам, кажется, писала чуть ли не до последней минуты своей”.

В октябре 1887 г. публикация материалов третьего тома в “Русской старине” была закончена, и Пассек приступила к подготовке отдельного издания. В этой связи она обратилась к Астраковой с письмом от 23 октября 1887 г.; в нем она сообщала о своих рабочих планах и снова обращалась с просьбой написать и послать ей дополнительные мемуарные материалы. Она писала Татьяне Алексеевне: “Сбиралась я много работать по заказу Семеновского, относительно которого я тебе писала, и тебя просила писать все, что знаешь и что припоминаешь от первого дня твоего знакомства и сближения с Герценом и его кругом, характеристику лиц, составлявших этот круг, каждого отдельно, их семейный быт, их цели, их съезды и праздники в Москве и в деревне как в Покровском, так и в имении Дивова. Ты была в этом кругу одним из умных и беспристрастных членов этого круга, замечательного по своему развитию и стремлениям, выразившим дух этого времени. Я бывала тоже там по дружбе моей с главными представителями этого круга, но редко, не обращая даже внимания на их деятельность, так она казалась мне обыкновенна, а ты была там как умный и зоркий наблюдатель. Следовательно, ты можешь более, чем кто-нибудь, сделать верный очерк лиц и своеобразной деятельности этих личностей. Если ты что-нибудь сделала по части этого труда (...) то немедленно вышли, что есть готовое”. Через неделю, в письме от 30 октября, Пассек продолжила убеждать Астракову: “Я тебе предлагала, друг сердечный, написать без всякой системы, а как вспомнишь, очерки всех личностей круга Александра Герцена, ты беспристрастный их судья всегда была и останешься. Круг их тебе близко знаком, и ты каждого из них отдельно понимала и понимаешь. Ты была беспристрастной, умной свидетельницей и их сближения, и их распада, их пиров и внутренней жизни в Покровском и в Соколове. Можешь сделать прекрасный очерк Наташи. Ты делаешь его с любовью и живо, потому что она жива в душе твоей. Не знаю, как удастся тебе Александр. Эту личность во всех его оттенках нелегко уловить. Против Кетчера ты, кажется, восстановлена, Огарев, Сатин и Грановский легко дадутся, Анненкова совсем не знаю, хорош может выйти Щепкин. Луизу Ивановну и Ивана Алексеевича вызови на свет, сколько можешь. Ты их можешь осветить со своей точки зрения, с какой их еще никто не видал. Представь их и за их обедами и ужинами, с их лекциями на дому, с философскими прениями и с их целями. Все это под твоим живым и простым пером окрасится свойственным ей колоритом, и ты почувствуешь свежую жизнь, уйдя в этот близкий тебе мир, ушедший куда-то, а ты эти тени лиц, вещей и личности воскреси, с любовью прижми к сердцу и передай миру”.

Ранее из письма Астраковой к Н.А. Тучковой-Огаревой было известно, что еще 24 ноября 1887 г. она отправила Пассек “несколько почтовых страничек”³.

Подтверждая, с некоторым опозданием, получение посланного “конверта”, Пассек писала Астраковой 11 декабря 1887 г.: «Дорогая Татьяна Алексеевна, конверт с бумагами получила – спасибо вам, родная, все очень просто, дельно и хорошо – войдет в мои записки 3-й части “Из дальних лет”. Два анекдота – об Иване Алексеевиче и Кетчере уже были в первых частях напечатаны, остальное пойдет. Пишите, друг мой, подробнее, о их товарищеском круге, последовательном развитии их деятельности, дружбы и как происходили их пиры, и ваша дружба с Наташей. В дневнике Александра имеется довольно подробный ход их жизни, в продол-

жени жизни в Москве, когда произошла у Александра история с горничной. Я думаю – тебе все это близко было видно. Сделай хотя легкие очерки – характеристики всех известных тебе лиц».

Посланные Пассек “несколько почтовых страничек”, по-видимому, и были публикуемыми нами воспоминаниями (первый фрагмент). Трудно теперь судить, почему переписанное Антушевым осталось в бумагах Астраковой. Возможно, Пассек получила или автографическую рукопись Астраковой, или копию, снятую Антушевым. Но сопоставление с текстом третьего тома “Из дальних лет” показывает, что Пассек по каким-то причинам не воспользовалась присланными ей материалами.

Для самой Астраковой работа над воспоминаниями о 1840-х годах стала главным делом ее уходящей жизни. Все свои поздние годы Татьяна Алексеевна жила этими воспоминаниями о прошлом, с гордостью осознавая свою причастность к кругу людей сороковых годов. Одна из корреспонденток, М.В. Елагина, писала ей 29 июля 1885 г.: “Ну как же не завидовать, что вы жили в 40-х годах. Сердце билось горячо, не заглашалось мелочами и эгоизмом”⁴.

Далее в письме приводятся слова Герцена о задатках писательского дарования Астраковой, которые не противоречат известным фактам и дополняют их живой интонацией: “Ваши письма доставляют им (т.е. родным Елагиной) *большое наслаждение*; прав был Герцен, находя, что в вас есть жилка писательницы”⁵.

Астракова хотела написать о прошлом, о Герцене, но, главное, о самом дорогом для нее – о Наталье Александровне. Благоговение перед ней, преданность ее памяти сопровождали всю жизнь Астраковой. В письме, помеченном Астраковой как “1-е письмо от Елагиной”, читаем: “Жена Герцена, Наталья Александровна, всегда светила мне как поэтический, светлый, идеальный образ женщины. Ее портрет, который я видела у вас, и ваши рассказы о ней еще более оживили мне ее образ, и я рада, что познакомилась с ее другом” (22 июня 1885 г.). Судя по письмам Елагиной (явно продолжавшим откровенные разговоры между обеими), Астракова стремилась в своих воспоминаниях представить высокий образ Натальи Александровны очищенным от “вины” и “клеветы”. “Я счастлива, – писала Елагина 29 июня, – что напоминаю вам Наталью Александровну. Дай Бог мне и душой несколько походить на ее светлую, ангельскую душу, к которой не пристало ни одно пятно (...) я никогда не винила ее, и если бы в ее жизни и было бы увлечение и паденье, то оно всецело бы клало вину на Герцена”. В письме от 29 июля М.В. Елагина, видимо, повторяет основную идею мемуаров, определенную для себя Астраковой: “Если бы вы написали свои воспоминания о тех людях, которых вы так близко знали, о Герцене, его жене, Огареве и т.д. (...) вы могли бы восстановить память Натальи Александровны”. Через год Елагина (к этому времени она стала Бзер) писала: “Мне так бы хотелось, чтобы память о жене Герцена была *вполне* очищена от клеветы, ведь многие, не зная истины, винят ее, но, с другой стороны, я понимаю вас, что тяжело выносить на люди святыню свою”⁶.

Вспоминая о Наталье Александровне, Астракова, очевидно, не могла не говорить о положительном влиянии на ее духовное развитие ближайшего московского окружения Герцена. С этим Елагина не согласилась. Она писала Татьяне Алексеевне (18 октября 1890 г.): “И все-таки скажу, что жену Герцена они все, весь кружок, сделали несчастной, отняли у нее веру (...) Можно не верить в Бога, но зачем же в страстную пятницу устраивать оргии?” И в письме от 7 января 1891 г.: “Вы меня не поняли, Натальи Александровны Герцен не было в оргии, но я возмущалась, что они все были и что их понятия смущали чистую душу жены Герцена”.

Многими из своих сомнений и колебаний Астракова делилась в эти годы с Н.А. Тучковой-Огаревой. На одно из подобных писем Наталья Алексеевна отвечала (28 января 1886 г.) прямо и откровенно: “Из любви к Наташе не держите под спудом все прекрасное, симпатичное, поэтическое... она была моим единственным идеалом между женщинами. У вас какая-то китайская любовь, которая окружает стеной любимое существо, – но неужели человечество так жалко, что кроме вас, меня и Таты никто ее не оценит?”⁷

Но, несмотря на увлечение мемуарной работой, Астракова не исполнила всего, о чем ее просила Пассек и чего она сама хотела. Не исключено, что важной причиной могло быть постепенно накопившееся недовольство тем своеволием, с которым Пассек обращалась с мемуарами Астраковой. Свою роль, очевидно, сыграло и критическое суждение на этот счет Таты Герцен. В письме от 8 января 1888 г. Е.К. Корсакова писала Татьяне Алексеевне, повторяя содержание посланного ей, но не полученного письма: “Я вам в нем отвечала на ваш вопрос: стоит ли вам что-нибудь написать из своей жизни для г-жи Пассек. Я вам выражала мнение Н(атальи) А(лександровны) и свое, что не стоит, потому что г-жа Пассек – человек недобросовестный и вашу статью, пожалуй, переделает по-своему. И вам от этого ничего, кроме неприятностей, произойти не может”⁸.

МОСКВА. ДОМ И.А. ЯКОВЛЕВА В БОЛЬШОМ ВЛАСЬЕВСКОМ ПЕРЕУЛКЕ ("СТАРЫЙ ДОМ")

Гравюра И.Н. Павлова, 1919

"Творчество", 1920, № 1

В публикуемых фрагментах имеются некоторые повторения ранее известного материала (отмечены ниже в примечаниях). О Герцене мемуаристка пишет сравнительно немного; она подчеркивает его стремление к общению, к "изъявлению" в слове. Но основное внимание в воспоминаниях уделяется Н.А. Герцен, особенностям ее личности, характера, духовных интересов. Как известно, Наталья Александровна тяжело переживала разочарование в московских друзьях. Именно в этом Астракова видела основную причину "расстройства нервов" Натальи Александровны; успокоение жена Герцена искала и находила в любви и заботах о своих детях. В воспоминаниях подчеркивается и такая черта характера Натальи Александровны, как неприятие светской "рассеянной жизни".

Возможно, что второй фрагмент ("Кунцево"), рассказывающий о жизни и духовных стремлениях московских друзей Герцена, был задуман как противопоставление деятелям 1880-х годов – эпохи, которую уже не в состоянии была понять Астракова. 25 февраля 1889 г. она писала Наталье Алексеевне: "Люди, самая жизнь, интерес к жизни, все так изменилось, так непохоже на прежнее, что становишься в тупик – да уж полно, было ли это все, что мы пережили?!"⁹

Подводя в конце 1880-х годов итоги пережитому, Астракова возобновила работу над своими автобиографическими записками, очевидно, не предназначавшимися для печати. В письме (не сохранилось) к Тучковой-Огаревой она писала, что предполагает оставить ей свои мемуары¹⁰. Перед автором вновь встала задача – избежать повторений в рассказе (известно, что многие обстоятельства собственной жизни Астраковой описаны ею в повести "Воспитанница". – "Современник", 1857, № 10). Можно предполагать, что все то "тяжелое и страшное", о чем она упоминала в письме к Пассек от 14 февраля 1884 г.¹¹ и что не вошло в повесть, наполнило бы теперь страницы ее воспоминаний. В архиве Татьяны Алексеевны сохранилось только начало этих записок; их содержание дополняет известные нам факты о первых годах ее жизни. Испытания, выпавшие на ее долю в детстве, многое объясняют в ее характере и судьбе и делают более близкой и понятной личность человека, бесконечно преданного семье Герцена.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ ГЛМ, ф. 248, оп. 1, ед.хр. 84; ср. Пассек II, с. 95–96 и 273–274.
² Здесь и далее письма Пассек цитируются по подлинникам ГЛМ, ф. 248, оп. 2, ед.хр. 39.
³ “Лит. наследство”, т. 63, с. 546.
⁴ Здесь и далее письма М.В. Елагиной (Бэер) цитируются по подлинникам ГЛМ, ф. 248, оп. 2, ед.хр. 1; там же М. В. сообщила, что в семье хранят “как святыню” письма В. А. Жуковского к ее бабушке М. А. Протасовой.
⁵ Ср. XXVI, 142.
⁶ Письмо от 30 июня 1886 г.
⁷ ГЛМ, ф. 248, оп. 1, ед.хр. 77.
⁸ Там же, оп. 2, ед.хр. 19.
⁹ РГБ, ф. 69.9.24.
¹⁰ См. ответное письмо от 23 марта 1888 г. в ГЛМ, ф. 248, оп. 1, ед.хр. 79.
¹¹ “Лит. наследство”, т. 63, с. 542.

I

ВОСПОМИНАНИЯ Т.А. АСТРАКОВОЙ
О НАТАЛЬЕ АЛЕКСАНДРОВНЕ ГЕРЦЕН

1

Первое время по возвращении Герцены в Москву (<...> их кружок был более интимным. Их окружали: мать Герцена Луиза Ивановна (добрейшее существо, вполне немка и порядочно.bestоловая, а подчас и капризная); потом выписанные в Москву в дом Ивана Алексеевича мать с дочерью Эрн¹ (<...> Впоследствии в Москву из Вятки приехала Медведева² с двумя дочерьми и сыном (<...> В числе этих лиц бывал и Кетчер, но бывал так, чтобы не знал об этом Иван Алексеевич, который не мог равнодушно слышать его имя. Размолвка Кетчера с Яковлевым произошла по поводу женитьбы Герцена, когда Кетчер явился к нему ходатаем о браке, но старик наговорил ему много неприятного, и Кетчер не стерпел и ответил ему тем же³. Все время и впоследствии, когда Герцены живали в Москве, даже в особом доме⁴, Кетчер всегда избегал, чтобы не попасться на глаза Ивану Алексеевичу. Помню, я, как раз сидели мы у Герцены. Нас было много, в том числе – Катя, меньшая дочь Наташиного отца, которую не терпел Иван Алексеевич и приказывал, чтобы ее не было в его доме. (Несмотря на запрещение, Луиза Ивановна скрывала ее у себя, так как 15-летней девочке некуда было деваться⁵.) Вдруг вбегает дочь Эрн с возгласом: “Иван Алексеевич идет!”... Все встрепенулись: Кетчер с Катей в два прыжка, впотьмах, потому что это было вечером зимою – очутились на мезонине и притаились там. Я туда ушла за ними, и мы там долго смеялись над Кетчером, который на цыпочках ходил по комнатам, так как он имел привычку всегда быть на ногах. Но к нам, тоже тихонько, вбежала дочь Эрн и сказала, что все боятся, что шаги Кетчера услышит Иван Алексеевич, – и мы его усадили. После ухода старика мы сбежали вниз и узнали, что, по-видимому, старик был недоволен, заставши у Герцены гостей, и, несмотря на то, что все встали при его появлении и раскланялись, он никому не ответил даже кивком, всех оглядел с ног до головы, кликнул Герцена и, подходя к каждому из окон, которые все были снаружи закрыты ставнями и, по-старинному, приперты болтами, пропущенными внутрь комнаты и припиравшимися затычками, указывал на них, как на опасность для ребенка (Шушки, сына Герцена), которого он любил по-своему и заботился о нем, – что он может подойти к окну и что в незаметные скважины может на него надуть и пр., и пр., и приказал этим серьезно заняться. Затем сказал вслух, при всех, что пора бы дать покой ребенку, так как уже пора ему спать, а не с гостями сидеть. И затем, не взглянув ни на кого, отправился домой, куда Герцен должен был почтительно проводить его до кабинета, где он его задержал довольно долго. По возвращении Герцена все оживились и много потешались над Кетчером. Надо заметить, что в числе гостей был Огарев, с которым Ив(ан) Алексеевич был знаком, но и он остался будто незамеченным Иваном Алексеевичем⁶.

Первое время, когда Герцены только что приехали в Москву, я встречала у них известного г. Бакунина. Его личность неприятно поразила меня: его бледное мато-

вое лицо, курчавые черные волосы и бесстрастное какое-то выражение в лице во все не гармонировали с тем предупредительно-ласковым обращением, с которым к нему относились хозяева. По временам я вглядывалась в группу, и мне казалось, что Бакунин, не обращая ни к кому особенно, говорил таким решающим тоном, который не допускал ничьих возражений: его поза, его манера говорить указывали на то, что “я говорю, а вы должны слушать”. И надо заметить, что слушатели были усердные: Герцен стоял против него и, казалось, боялся проронить слово; Кетчер, по обычаю, имея чубук в зубах, раскачивался на одном месте с ноги на ногу и, по видимому, тоже слушал внимательно. Один мой муж, казалось, был занят своими мыслями и по временам подходил к ним. Между тем Наташа мне говорила вполголоса, что это замечательного ума человек, и жалела, что Шушка мешал нам вслушиваться в речь Бакунина, чего, признаться, я вовсе не разделяла с нею: мне казалось, что лекция Бакунина продолжалась с час, и я обрадовалась, когда он взял шляпу и, не особенно любезно простившись с присутствовавшими, ушел. С тех пор я более не встречала Бакунина, и вскоре он исчез из России⁷. В бытность Герценов в Москве, как по приезде их из Владимира, так по возвращении их после из Новгорода, знакомство их все более и более расширялось. Герцен то сам примыкал к кружкам, то около него составлялись кружки; он всегда играл роль отмеченной личности, но Наташа была в полном смысле домоседка: первое недолгое время, которое она была в Москве, она была вся поглощена уходом за своим Шушкой, который был очень слабенький ребенок, а при этом ей было много труда уберечь его от непрошенных воспитателей, из которых главными были дедушка Иван Алексеевич и бабушка Луиза Ивановна, которые (кроме других) как предъявляли свои требования от Наташи относительно воспитания ребенка, так не оставляли в покое и самого ребенка. Это последнее обстоятельство очень огорчало и озабочивало Наташу. Но вот они уехали в Петербург, и там Наташа уже беззаветно отдалась воспитанию сына и уходу за своим мужем. Я говорю – уходу, потому что Александр был избалован в домашней жизни, конечно, Наташей (как впоследствии его избаловали нравственно все его поклонники). Она озабочена была, когда ему нужно встать, умыться, одеться и, наконец, снабжала его всем нужным, когда ему следовало идти на службу в департамент: она ему подавала и верхнее платье, и шляпу, и перчатки, и носовой платок! Иначе он непременно мог что-нибудь из этого забыть. Не могу забыть рассказа Наташи о его проказах. Раз, в то время, когда он торопился выйти на службу, Шушка что-то расплакался, и Наташа убежала к нему, забывши, что не всем снабдила своего супруга... Через небольшой промежуток времени вбегает Александр, расстроенный, рассерженный, и кричит Наташе: “Что ты со мной сделала! Что ты сделала!” – повторяет он, Наташа, ничего не понимая, просит его успокоиться и сказать толком, в чем она провинилась. Обозначилось, что, торопясь уйти, Герцен вспомнил, что ему жена не положила в карман платок, и вот он схватывает со стола что-то белое, сует в карман и уходит. На Невском встречает Савича (профессора) и, в жару разговора, вынимает платок из кармана и – *о ужас!* – из рук у него сыплются полотняные лоскуточки!.. Герцен растерялся, Савич, заметя его смущение, наскоро простился и ушел, а Герцен воротился домой и сделал сцену ни в чем не повинной Наташе⁸.

2

Наташа полюбила петербургскую жизнь. Она хозяйничала (хотя и не очень серьезно), ухаживала за ребенком и Александром и в то же время училась. Господь ее знает, когда она успевала заниматься серьезно чтением и науками, так что она собственным умом и старанием достигла такого обширного умственного развития, какого, быть может, ни одна женщина не могла достигнуть, учившись серьезно у ученых педагогов. В свободное от службы и общества время, хотя урывками, Александр помогал, конечно, много ей в этом, а также общество более или менее ученого люда тоже много способствовало ее развитию, как научному, так и нравственно-образованию. Она была серьезна и не любила глупой болтовни, а также не лю-

И.И. ПАНАЕВ И Е.Б. ГРАНОВСКАЯ

Рисунок К.А. Горбунова (карандаш). Соколово, 1845

Внизу подписи Н. А. Герцена-внука: "Панаев", "М-те Грановская"

Музей Герцена, Москва

била разыгрывать из себя ученую даму, и потому женского знакомства она почти не имела. Она была замечательно скромна и обладала необыкновенным тактом, как в своем поведении, так и в обращении с другими. Умные мужчины уважали ее, женщины же как будто остерегались при ней произносить свое решительное слово, хотя она ничем не выказывала перед ними своего превосходства (да она его и сама не сознавала в себе). Иногда она возмущалась, когда Александр глупо острил (что он любил иногда делать): ей казалось, что такой умный человек не должен унижать себя, говоря пошлости для потехи других. Она этого не любила и в тех личностях, которых уважала: это ее коробило, и она готова была расплакаться. Странно, что с такой рассудительностью, с таким серьезным взглядом на людей она имела страстно увлекающийся характер: раз полюбивши личность, она долго не могла разглядеть в ней что-нибудь дурное; ну, а если наступало разочарование, она страшно страдала, и на нее жалко было смотреть. Я несколько раз бывала свидетельницей ее отчаяния и слез. Она уж ничего не говорила при этом; бывало, пожмет крепко-крепко руку и закроет лицо... Ужасно горько было ее видеть в таком состоянии, а это с ней нередко случалось. Вот почему она страдала впоследствии постоянно расстройством нервов. Я не буду тут рассказывать о том ужасном случае в Петербурге (об этом писал и сам Герцен и другие), когда пришли за Александром жандармы, когда разбиралось все дело, когда, благодаря А.Г.^{3*} Строганову, Герцена отослали служить только в Новгород с воспрещением бывать в столицах. Все это время бедная Наташа носила

^{3*} В копий Антушева ошибочно: С.Г. – Ред.

Панаев

Щепкин

И.И. ПАНАЕВ И М.С. ЩЕПКИН

Рисунок К.А. Горбунова (карандаш). Соколово, 1845
Внизу подписи Н. А. Герцена-внука: "Панаев", "Щепкин"
Музей Герцена, Москва

смерть в сердце, тем более, что она была беременна. Бедный ребенок спас мать своим ужасным страданием и смертью, но что стоило Наташе перенести еще и это несчастье, — один Бог знает!..⁹

Наконец, они были возвращены в Москву. Наташа была неузнаваема, — это была какая-то прозрачная тень — и совершенно ко всему безучастна. Но она была снова беременна, за нее боялись и пригласили акушерку Армфельд и акушера Рихтера¹⁰. Ребенок родился в припадках. Я до сих пор слышу раздирающий крик малютки и вижу искаженное конвульсиями его лицо. Он прожил, кажется, 42 часа, и все это время Наташа не позволяла его уносить от себя далеко, — он лежал в соседней комнате. Наконец, страдания прекратились, он умер¹¹. Когда я подошла к Наташе, она сказала только: "Ты слышала, видела его страдания? Мне его не показали... Он умер, и хорошо!.." Голос ее задрожал — и она отвернулась. "Господи! — думалось мне, — за что такое наказание ей!"

Долго она боролась с горем, долго длилось выздоровление, но — увы! — и это принесло горькие плоды. Рихтер, навещая ее уже почти здоровую, сказал ей (догадался голубчик!), что если она опять к концу года делается беременной, то он не ручается за ее жизнь¹². Это он сказал ей одной, а она не сказала этого даже мужу. И, когда она почувствовала себя снова беременной, то заметно стала тосковать, раздражаться, плакать. Александр, понятно, перепугался и, не зная причины, упросил ее пригласить доктора. Пригласили Арк(адия) Ал(ек)сандровича Альфонского. При посещении больной он долго не понимал причины такого страшного расстройства всей нервной системы, но он так умел расположить всегда к себе больного, вкрасться в его

доверенность и выпытать от него сокровенное, что Наташа не выдержала и призналась, что она страдает от страха – умереть родами. Альфонский изумленно взглянул на нее, потом расхохотался (все это я слышала после от нее) и потом с сердцем вскричал: “Под суд бы таких господ надо, как сметь болтать то, чего не знаешь!” Затем Арк(адий) Ал(е)кс(андрович) еще усерднее принялся за лечение Наташи, которое требовало не столько медикаментов, как нравственного влияния. Он настроил мужа, настроил всех окружающих, как вести себя при больной, чтобы она видела, что никто не боится за ее жизнь. Постоянное общество мужа и близких, их веселые лица, частое катанье на воздухе и пр. совершенно оживили Наташу, и все вздохнули свободно. А перед этим, когда Альфонский начал лечить ее, и он заставлял тоже, чтобы она была окружена близкими людьми и чтобы ей читали что-либо интересное, – то эта проба не удалась, так как при долгом разговоре или чтении всегда у Наташи делалась истерика и она рыдала до беспамятства.

Наконец, нас известили, что у Герценов родился сын Николай¹³ и что как ребенок, так и мать совершенно здоровы; но уже при родах не было ни Рихтера, ни Армфельд, а брали другую, менее знаменитую личность, рекомендованную Альфонским.

Понятно, что после всего, что пережила и выстрадала Наташа, в ее организме остались болезненные задатки, и тем более, что она не всегда прибегала за советом к доктору, стараясь как-нибудь перемотаться. Так она поступала, чтобы не тревожить Александра: он, узнавши, что она обращалась к доктору, решительно терялся: он не отходил от нее, беспрестанно спрашивал, что она чувствует, не хуже ли ей, не съездить ли за доктором и т.д., не позвать ли Кетчера. На последнее охотно соглашалась Наташа, так как присутствие Кетчера рассеивало несколько Александра, который верил, что, если бы было что-либо серьезное, то Кетчер сам съездил бы за Альфонским. Но и это не всегда помогало, так как Герцен не верил в знание Кетчера, а потому снова впадал в сомнение и снова приставал с расспросами к Наташе. Это иногда ее до того раздражало, что она старалась как-нибудь упрямить его съездить с каким-либо поручением к Грановским и к другим, чтобы сколько-нибудь ей успокоиться и отдохнуть. А отдых ее состоял в заботе о детях.

Поживши в Москве, у Герценов составил свой интимный и, так сказать, единомыслящий кружок, состоящий из Кетчера, Грановского, Корша, позднее – Редкина, Кавелина. По временам появлялись Огарев, Сатин; позднее – проф(ессор) Крюков, Мих(аил) Сем(енович) Щепкин. Все эти лица составляли самый тесный кружок и собирались часто у Герцена. В этом кружке всегда принимала участие и Наташа. Она любила беседовать более всего с Грановским и Огаревым, так как по светлому уму и скромному характеру они оба ей более нравились, хотя она уважала и остальных. Грановский привез к ней свою жену, Елизавету Богдановну, с которой она подружилась и полюбила ее всей душой. Затем познакомились с нею жена и сестра Корша. Первая была добрая, тихая женщина, вторая удивляла Наташу своим блестящим умом, хотя не была ей особенно симпатична¹⁴.

Тогда в Москве было много ученых здравомыслящих кружков, но они распались на два лагеря: в одном все были ярые славянофилы, и этот кружок был самый обширный. Другие – западники. Третий кружок, самый модный, состоял из ученых дам, известных под названием *синего чулка* и составлял как бы примиряющее звено между вышеназванными кружками. О Герцене заговорили во всех кружках, все желали иметь его у себя на литературных вечерах; и, когда он начал у них появляться, все были от него в восторге, и в особенности дамы. Конечно, дамы первые не замедлили узнать о жене Герцена и, узнавши, что она очень умная, образованная женщина, начали приставать к Герцену познакомить ее с ними. Понятно, что приличие требовало Наташе сделать ко всем первый визит, и Герцен предложил ей это; но Наташа отклонила эту честь, говоря, что, во-первых, она чувствует себя все еще нездоровую, во-вторых, что она не усвоила себе так светских приемов, которые требуются в известных кружках, и что она будет скорее смешна в светском салоне, чем интересна, и что все любезности, которые ей будут рассыпать светские барыни, ее бу-

дут настолько конфузить, что и Александру будет за нее стыдно. Герцену не нравился отказ Наташи: он любил, уважал ее, знал, что она, по образованию и, пожалуй, уму, стоит выше всех синих чулков, и что она, его жена, может стать центром всякого кружка, и что все ее заметят. Это ему льстило, и он начал настаивать. Но Наташа сказала решительно, что она останется тем, что она есть, и ни за что не променяет свою тихую семейную жизнь на суетные визиты и что для нее довольно того дорогого ей интимного кружка, которым он окружил ее прежде. “Что же я отвечу, – говорил с отчаянием Герцен, – на все их любезные желания с тобой познакомиться?” – “Очень просто, – ответила Наташа, – скажи, что я еще не оправилась от своей нервной болезни и что мне предписано исключительное спокойствие. Авось, они поймут и отстанут”.

Но барыни не унимались. Ховрина (сестра тогдашнего обер-полицмейстера Лужина) приехала сама с визитом; но в это время Наташа страдала зубной болью и к ней никого не подпускали, даже близких. Другие мало-помалу, действительно, перестали мучить Герцена вопросами о его жене.

Но вот раз сидим мы с Наташей в ее будуаре вдвоем, и вдруг ей докладывают, что приехала Марья Алексеевна Тучкова. Пришлось принять. Это была девушка (пожилая) – сестра бывшего генерал-губернатора. И как же я удивилась, увидав точно старшую родную сестру Наташи! Та же скромность, та же доброта, тот же ум и та же симпатичность во всех приемах. Она нас обворожила своею простотою. И точно мы обе свиделись с нею после долгой разлуки, а не в первый раз. Впоследствии и я коротко была знакома с доброй Марьей Алексеевной, и она меня любила до самой своей смерти. По ее отъезде мы долго говорили о этом визите, который доставил Наташе отрадные минуты, и она сказала: “Как странно! А мне кажется, что ведь это так и должно было быть!”

II (КУНЦЕВО)

^{4*}беззаветно, так чисто, так поэтично, как наслаждались когда-то мы, старики! А разве это не правда! Боже мой, как 50 лет назад мы выплясывали мазурки, какие па выдвигали в кадрили и прочее. Этому посвящались вечера, но зато утро мы читали с толком и наслаждением Пушкина, Грибоедова и других. Мы с жадностью перехватывали тогдашнюю “Полярную звезду” – Мы задумывались над “Думами” Рылева. А в 40-х годах мы еще под веселый час в домашнем кругу и пели и танцевали... Танцевал даже Грановский! Герцен!¹⁵ А прогулки на дачи: в Кунцево, в Давыдково – да ведь мы, как дети, радовались, попавши в густой лес, или в заросший овраг, или, взойдя на гору, отдавались совершенно восторгу, глядя на бесконечную даль, покрытую зеленью и лесами.

Да, мы жили с людьми, но мы не бежали и от природы – в ней для нас был отдых...

III (МОИ ДЕТСКИЕ ГОДЫ)

Смотрю на будущность с боязнью,
Смотрю на прошлое с тоской
И, как преступница пред жизнью,
Устала думать головой...¹⁶

С самого дня моего рождения я уже была обречена на горькую жизнь. Отец приехал рассерженный и, выпивши, вышвырнул мою мать со мною на руках за дверь и не приказал попадаться на глаза. О причине этого звериного поступка долго рассказывать; прибавлю одно, что моя мать ни в чем не была виновата, и только самодурство отца погубило ее и меня. Мать моя не была обвенчена с моим отцом и принад-

^{4*} Начало не сохранилось. – Ред.

лежала ему (по тогдашним порядкам) по верящему письму^{5*}, что было равносильно крепости.

Когда я родилась (это было за несколько дней до приезда отца), моей матери было всего лет 20-ть, и отец знал отлично, что я по праву его собственное дитя, но он не почувствовал ко мне родительской любви и возненавидел меня. Что выносила моя мать, продолжая жить у своего господина уже в простых работницах (у нее были отобраны все наряды, и ее облекли почти в рубище), но мать не жалела о своем прежнем барстве – она всю нежность, всю любовь сосредоточила на мне и лелеяла меня как только могла.

Отец, узнавши про эти чувства матери к своему ребенку, начал придумывать разные мученья для матери. Он надзирал за ее работами и приказывал меня выбрасывать за дверь, где я, конечно, рыдала, а мать со слезами мыла полы!.. и т.д., и т.д. Одним словом, кажется отец только и думал как бы пожесточее мучить нас обеих и достигал этого. Но злоба его не была удовлетворена еще, и он придумал казнь... нечеловеческую казнь – казнь изверга! Он продал мать за бесценок (верст за 500), а меня отнял у нее и хотел утопить, но те господа, на чье имя была куплена моя мать, взяли меня к себе. Тогда мне было всего 3 года.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Прасковья Андреевна Эрн приехала в Москву в сентябре 1837 г. (см. XXI, 203), ее дочь Мария Каспаровна (впоследствии Рейхель), – по-видимому, в 1835 г. для поступления в пансион, по окончании которого, в 1838 г., она поселилась в доме И.А. Яковлева.

² “Вятская возлюбленная” Герцена Прасковья Петровна Медведева переехала с детьми в сентябре 1839 г.

³ См. “Былое и думы” (VIII, 359–360).

⁴ В так называемом “тучковском доме” (ныне Сивцев Вражек. 27) теперь находится Музей Герцена. Неясно, где именно на время этого отпуска поселился Герцен с семьей (в “Летописи...” это не отмечено). Вероятнее всего, также в “тучковском” доме. Ср. со сказанным Астраковой ранее: “Поселились в маленьком доме Ивана Алексеевича, который он для них, кажется, купил и отделал” (*Пасек* II, 93); см. еще в письме Н.А. Герцен к Ю.Ф. Куруте от 16 апреля 1840 г.: “Большей частью сию дома, или, лучше сказать, перехожу из дома в дом” (т.е. из “большого” дома, где жил Яковлев, в стоящий рядом “тучковский” – *РМ*. 1889, № 5). Возможно, что и второй отпуск в сентябре–октябре 1841 г., Герцены прожили либо в “большом” доме (XXII, 113), либо в “тучковском” (*Пасек* II, 93 и 98; “Лит. наследство”, т. 63, с. 579).

⁵ Е.А. Захарьина (впоследствии Селина) приехала вместе с семьей Герцена из Владимира (XXII, 73–74); Герцен писал, что ей в это время было девятнадцать лет (точные даты ее жизни неизвестны).

⁶ Ср.: *Пасек* II, 95–96. Здесь поведение Яковлева обрисовано более резко. В отличие от ранее сказанного, среди гостей присутствует Огарев (приехал в Москву около 14 сентября 1839 г. и поселился на Арбате, № 31, недалеко от Герцена. Жил в Москве до лета 1840 г.).

⁷ В *ЛЖГ* I, 213, вероятно ошибочно, указано, что Герцен познакомился с М.А. Бакуниным между 7 и 10 декабря 1839 г. в Петербурге. Это должно было произойти несколько раньше, судя по настоящему эпизоду.

⁸ Ср. *Пасек* II, 273–274.

⁹ В Новгороде умерла дочь Герцена Наталья (24 декабря 1841 г.).

¹⁰ Ранее Астракова называла имя Брока (*Пасек* II, 280–281).

¹¹ Ребенок, названный Иваном, родился в ночь с 29 на 30 ноября, умер 5 декабря 1842 г.

¹² Ср. выше памятную записку Н.А. Тучковой-Огаревой в обзоре Л.Р. Ланского “Письма Н.А. Тучковой-Огаревой к Е.С. Некрасовой”).

¹³ Коля Герцен родился 30 декабря 1843 г.

¹⁴ В сохранившемся черновом отрывке далее следует: “несмотря на то, что Александр ценил достоинства в М.Ф. и глубоко уважал эту личность” (*ГЛМ*, ф. 248, оп. 3, ед.хр. 35).

¹⁵ Ср. в письме Герцена Огареву от 5 апреля 1868 г.: “Я никогда не танцевал” (XXIX, 303; ср. VIII, 50).

¹⁶ Ср. начало стихотворения Лермонтова (1838):

Гляжу на будущность с боязнью,
Гляжу на прошлое с тоской
И, как преступник перед казнью,
Ищу кругом души родной...

^{5*} Помещик, имеющий право иметь у себя крепостных, записавши человека, на свое имя купленно-го кем-либо не из дворян, будто передавал ему по верящему письму ее (в) услужение.